

ДОНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТЫ.

Выходятъ три раза въ мѣсяць (1, 11 и 21 ч.).

Подписка принимается въ Редакціи „Донскихъ Еп. Вѣдомостей“ въ гор. Новочеркасскѣ, при Донской Духовной Семинаріи.

Цѣна годовому изданію „Донскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ съ доставкою и пересылкою 5 руб. 50 коп.

Годъ сорокъ первый.

11 октября 1909 года.

№ 29.

СТАТЬЯ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

Моральный характер поэзіи А. П. Чехова.

(Продолженіе).

Въ разсказѣ: „Палата № 6“ Чеховъ изображаетъ намъ въ лицѣ доктора Андрея Ефимовича Рагина типъ русскаго интеллигента, вѣрующаго только въ силу ума. Андрей Ефимовичъ совершенно забылъ о евангельскихъ заповѣдяхъ и старался самостоятельно составить нравственное міровоззрѣніе. Но это міровоззрѣніе было эгоистическимъ. Докторъ полагалъ, что не нужно помогать ближнимъ во время ихъ болѣзни, такъ какъ люди рано или поздно должны умереть.

— Къ чему мѣшать людямъ умирать,—философствовалъ Андрей Ефимовичъ,—если смерть есть нормальный и законный конецъ каждаго? Что изъ того, если какой-нибудь тор-

гашъ или чиновникъ проживетъ лишнихъ пять, десять лѣтъ? Если же видѣть цѣль медицины въ томъ, что лѣкарства облегчаютъ страданія, то невольно напрашивается вопросъ: зачѣмъ ихъ облечать? Во-первыхъ, говорятъ, что страданія ведутъ человѣка къ совершенству, и, во-вторыхъ, если человечество въ самомъ дѣлѣ научится облегчать свои страданія пилюлями и каплями, то оно совершенно заброситъ религію и философію, въ которыхъ до сихъ поръ находило не только защиту отъ всякихъ бѣдъ, но даже счастье. Пушкинъ передъ смертію испытывалъ страшныя мученія, бѣдняжка Гейне нѣсколько лѣтъ лежалъ въ параличѣ; почему же не поболѣтъ какому-нибудь Андрею Ефимычу или Матренѣ Савишнѣ, жизнь которыхъ безсодержательна и была бы совершенно пуста и похожа на жизнь амебы, если бы не страданія“.

Подавляемый такими разсужденіями, Андрей Ефимычъ опустилъ руки и почти оставилъ лѣченіе больныхъ. Большую часть своего времени онъ проводилъ въ чтеніи книгъ и находилъ въ этомъ высшее счастье. Между тѣмъ больница, которою онъ завѣдывалъ, находилась въ запущенномъ состояніи. Въ палатахъ, корридорахъ и въ больничномъ дворѣ тяжело было дышать отъ смрада. Больничные мужики, сидѣлки и ихъ дѣти спали въ палатахъ вмѣстѣ съ больными. Отъ таракановъ, клоповъ и мышей житья никому не было. Въ хирургическомъ отдѣленіи не переводилась рожка. Смотритель, кастелянша и фельдшеръ грабили больныхъ. Особенно ужасающее впечатлѣніе производила палата № 6, гдѣ содержались душевно-больные. Больныхъ, которыхъ здѣсь было 5 человѣкъ, никуда не выпускали, кормили отвратительно, содержали грязно, и въ добавокъ сторожъ Никита, смотрѣвшій за больными, немилосердно билъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Если бы Андрей Ефимычъ имѣлъ христіанскія убѣжденія, онъ не сталъ бы сидѣть дома, сложа руки. I. Христосъ заповѣдалъ дѣятельно помогать ближнимъ, особенно

больнымъ. Между тѣмъ Андрей Ефимычъ, встрѣтившись съ сумасшедшимъ Иваномъ Дмитричемъ, которому нужно было помочь, такъ утѣшаетъ его: „При всякой обстановкѣ вы можете находить успокоеніе въ самомъ себѣ. Свободное и глубокое мышленіе, которое стремится къ уразумѣнію жизни, и полное презрѣніе къ глупой суетѣ міра, вотъ два блага, выше которыхъ никогда не зналъ человѣкъ. И вы можете обладать ими, хотя бы вы жили за тремя рѣшетками. Діогенъ жилъ въ бочкѣ, однако же былъ счастливѣе всѣхъ царей земныхъ“.

Эта „философія“ доктора, конечно, не могла понравиться Ивану Дмитричу, и онъ, хотя былъ сумасшедшимъ, прекрасно доказалъ ея неправоту:

— Презираете вы страданія и ничему не удивляетесь по очень простой причинѣ: суета суетъ, презрѣніе къ жизни, страданіямъ и смерти, истинное благо,—все это—философія, самая подходящая для російскаго лежебока. Видите, вы, напримѣръ, какъ мужикъ бьетъ жену. Зачѣмъ вступаться? Пускай бьетъ, все равно оба помрутъ рано или поздно: и бьющій къ тому же оскорбляетъ побоями не того, кого бьетъ, а самого себя. Пьянствовать глупо, неприлично, но пить—умирать и не пить—умирать. Приходитъ баба, зубы болятъ... ну чтожъ? боль есть представленіе о боли и къ тому же безъ болѣзни не проживешь на этомъ свѣтѣ, взѣ помремъ, а потому ступай баба прочь, не мѣшай мнѣ мыслить и водку пить. Молодой человѣкъ проситъ совѣта, что дѣлать, какъ жить; прежде чѣмъ отвѣтить, другой бы задумался, а тутъ ужъ готовъ отвѣтъ: стремись къ уразумѣнію или къ истинному благу. А что такое это фантастическое „истинное благо?“ Отвѣта нѣтъ, конечно. Насъ держатъ здѣсь за рѣшеткой, гноятъ, истязуютъ, но это прекрасно и разумно, потому что между этой палаткой и теплымъ уютнымъ кабинетомъ нѣтъ никакой разницы. Удобная философія: и дѣлать нечего, и совѣсть чиста, и мудрецомъ себя чувствуешь... Нѣтъ, сударь, это не философія, не мышле-

ніе, не широта взгляда, а лѣнь, факирство, сонная одурь...

Андрей Ефимыч долго не зоглашался съ доводами Ивана Дмитрича. По прежнему онъ думалъ, что высшее счастье человѣка заключается въ размысленіи. По цѣлымъ часамъ лежалъ онъ въ своей квартирѣ и думалъ о томъ, что всѣ люди, рано или поздно, должны умереть, что земля разрушится и проч. Но вскорѣ ему пришлось убѣдиться, что его философія неправильна. Доктора посадили въ палату № 6 и ограничили его потребности. На него надѣли грязное больничное бѣлье, не давали ему ни пива, ни папиросъ, а, самое главное, лишили свободы. Доктора запротестовалъ, сталъ кричать, но тотъ же Никита, которому самъ же Андрей Ефимычъ далъ право распоряжаться судьбою сумасшедшихъ, больно побилъ его. „Отъ боли онъ укусилъ подушку и стиснулъ зубы, и вдругъ въ головѣ его, среди хаоса, ясно мелькнула страшная, невыносимая мысль, что такую же точно боль должны были испытывать годами, изо дня въ день, больные люди, запертые имъ въ палату № 6. Какъ могло случиться, что въ продолженіе больше чѣмъ 20 лѣтъ онъ не звалъ и не хотѣлъ знать этого? Онъ не зналъ, не имѣлъ понятія о боли, значить, онъ не былъ виноватъ, но совѣсть, такая же неговорчивая и грубая, какъ Никита, заставила его похолодѣть отъ затылка до пятъ. Онъ вскочилъ, хотѣлъ крикнуть изо всѣхъ силъ и бѣжать скорѣе, чтобы убить Никиту, потомъ Хоботова, смотрителя и фельдшера, потомъ себя, но изъ груди не вышло ни одного звука, и ноги не повиновались, онъ рванулъ на груди халатъ и рубаху, порвалъ и безъ чувствъ повалился на кровать. На другой день онъ умеръ отъ апоплексического удара“.

III.

Невѣжество осмѣивается во многихъ разсказахъ Чехова. По мнѣнію Антона Павловича, невѣждами являются не одни только темные мужики, но интеллигенты, получившіе высшее образованіе и не умѣющіе приложить своихъ

знаній къ дѣлу. Въ разсказѣ: „Злоумышленникъ“ изображается невѣжественный мужикъ Денисъ Григорьевъ. Онъ отвинчивалъ гайки отъ рельсовъ и не понималъ, что чрезъ это можетъ произойти крушеніе поѣзда. Невѣжество Дениса, конечно, для насъ неудивительно. Но очень горько становится на душѣ, когда предъ нами выступаетъ невѣжество судебного слѣдователя. Этотъ слѣдователь считаетъ Дениса важнымъ злоумышленникомъ, думаетъ, что Денисъ хитритъ, прикидывается, и съ важностію разъясняетъ ему, что 1081 статья уложенія о наказаніяхъ говоритъ, что за всякое съ умысломъ учиненное поврежденіе желѣзной дороги виновный подвергается ссылкѣ въ каторжныя работы. На основаніи этой статьи слѣдователь отсылаетъ въ тюрьму Дениса, который наивно полагаетъ, что онъ иаказывается за невзносъ платежей. Эта рознь между русской интеллигенціей и простымъ народомъ, это непониманіе простаго русскаго человѣка, это возмутительное, можно сказать, невѣжество—у Чехова изображается весьма часто. Вотъ передъ нами дѣйствительный статскій совѣтникъ Семипалатовъ, заставляющій своихъ подчиненныхъ чиновниковъ просвѣщаться чтеніемъ романа: „Графъ Моне-Кристо“. Это безтолковое чтеніе вмѣсто пользы довело чиновниковъ почти до сумасшествія („Чтеніе“). Невѣжественнымъ оказывается и антрепренеръ Почечуевъ, который проситъ парикмахера Гребешкова полѣчить знаменитаго комика Дикообразова 2-го водкою, содержащею въ себѣ селитру, нашатырь, квасцы, глауберову соль и прочую дрянь („Средство отъ запоя“). Въ разсказѣ: „Интриги“ изображается невѣжество цѣлаго общества врачей. Тутъ мы узнаемъ, что большинство уѣздныхъ врачей знаетъ меньше, чѣмъ любой студентъ перваго курса; одинъ изъ врачей проткнулъ зонтомъ пищеводъ, другой принялъ блуждающую почку за нарывъ и сдѣлалъ пробный проколъ настолько неудачно, что больная въ скорости отправилась на тотъ свѣтъ; третій вылушилъ вмѣсто больного здоровый ноготь

не на той даже ногѣ; четвертый, извлекая зубъ, вывихнулъ больному нижнюю челюсть. При такихъ врачахъ и фельдшера были весьма невѣжественны. Въ разсказѣ: „Хирургія“ изображается фельдшеръ, любившій похвастаться своими знаніями, но на дѣлѣ онъ оказывается совершенно негоднымъ. Онъ долго тянулъ зубъ у дьячка Вонмигласова и, наконецъ, сломалъ его. Дьячекъ, подъ вліяніемъ сильной боли, ругаетъ его, но фельдшеръ обижается и называетъ дьячка невѣжею, себя же онъ по прежнему считаетъ опытнымъ лѣкаремъ.

Самое яркое изображеніе невѣжества находится въ разсказѣ: „Мужики“. Чеховъ отлично зналъ быть нашего простонародья и изобразилъ темноту крестьянъ въ самыхъ яркихъ краскахъ. Читая его разсказъ, всякій проникнется глубокимъ сожалѣніемъ къ несчастному народу, который окутанъ глубокою тьмою невѣжества. Вотъ предъ нами старикъ Чикильдѣевъ, ничего почти не понимающій и находящій удовольствіе въ пьянствѣ и сквернословіи. Онъ въ Бога не вѣритъ и никогда не думаетъ о Немъ. Правда, онъ признавалъ сверхъ-естественное, но думалъ, что это можетъ касаться однѣхъ лишь бабъ. Жена его старуха вѣрила въ Бога, но какъ-то тускло: все перемѣшалось въ ея памяти. Молитвъ она не помнила и обыкновенно по вечерамъ, когда нужно было ложиться спать, становилась передъ образами и шептала: „Казанской Божьей Матери, Смоленской Божьей Матери, Троеручицы Божьей Матери“... Дочери Чикильдѣева, Марья и Ѳекла, крестились, говѣли каждый годъ, но ничего не понимали. Дѣтей не учили молиться, о Богѣ ничего не говорили, не внушали никакихъ правилъ и только запрещали въ постъ ѣсть скоромное. Въ прочихъ крестьянскихъ семьяхъ было почти то же: мало, кто вѣрилъ, мало, кто понималъ. Будучи невѣжественными, мужики находили удовольствіе только въ пьянствѣ: на Илью пили, на Успенье пили, на Воздвиженье пили, на Покровъ былъ приходскій праздникъ и мужики

по этому случаю пили три дня: пропили 50 рублей общественных денег и потомъ еще со всѣхъ дворовъ собирали на водку.

Ив. Глѣбовъ.

(Продолженіе будетъ).